

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Меч, магия и бронелифчики. Рассказ 6: Рыцарь королевы

Город Дэгль, столица королевства Аквилония, произвёл на молодого Гильберта большое впечатление. И даже не столько потому, что сам город был велик, — в Темноземье, откуда был родом молодой рыцарь, тоже были такие крупные города, хоть и немного. Но Дэгль отличался от темноземских городов спокойствием, которое Гильберт не сразу уловил: в Темноземье, где рыцари бароны и графы постоянно воевали друг с другом, а земли между их владениями были полны чудовищ, на любого чужака смотрели как на потенциального врага, а на любого вооружённого человека (каким был Гильберт) — как на источник возможной опасности. В Аквилонии же — Гильберт это почувствовал — жители чувствовали себя в безопасности под защитой своей королевы, и в рыцарях королевы люди видели своих защитников.

Пока Гильберт ехал по аквилонским землям к столице, его самого много раз принимали за рыцаря королевы (даже темноземский акцент Гильберта не выдавал в нём чужака: на службе у королевы Ариэллы было немало выходцев из Темноземья), и крестьяне во встреченных деревнях предлагали ему кров, пищу и уход не оттого, что он был вооружён и мог силой своего оружия отнять у селян то, что ему было нужно, а из почтения к своей королеве, представителя которой они видели в Гильберте. Сказать по правде, молодой рыцарь чувствовал себя неловко, когда его принимали за рыцаря королевы, — ведь он ещё не был им — но отказываться от помощи, предлагаемой ему, было трудно: в кошельке Гильберта было немного денег ещё когда молодой рыцарь выдвинулся в путь, а к концу путешествия их почти не осталось. Но молодой рыцарь успокаивал себя мыслью о том, что он едет в Дэгль именно для того, чтобы действительно стать рыцарем королевы Ариэллы.

Подкрепившись с дороги в одной из городских харчевен (после этого в кошельке у Гильберта осталось лишь несколько медяков) и справившись у местных жителей, как проехать к королевскому дворцу, молодой рыцарь отправился в указанном направлении. Королевский дворец показался Гильберту роскошным — прежде юноше редко доводилось видеть столь величественные сооружения, и ведь, как слышал Гильберт, ещё лет двадцать назад королевства Аквилония не существовало, а его столица была довольно небольшим городом... Огромное белое здание, построенное искусными архитекторами, украшенное скульптурами мужчин и женщин с символами власти и воинским оружием (Гильберт не настолько хорошо знал древние мифы, чтобы опознать всех этих богов или героев), с развевающимися перед дворцом красными с золотом флагами Аквилонии и охраняющими дворец королевскими гвардейцами — ярко одетыми, с пышными плюмажами на стальных шлемах, вооружёнными алебардами и аркебузами. (Как заметил Гильберт, фитили аркебуз не были зажжены — гвардейцы явно не ожидали никакого внезапного нападения). Когда молодой рыцарь верхом на коне, не сразу решившись приблизиться к королевскому дворцу, подъехал к оцеплявшим здание гвардейцам, один из них, судя по всему, командир, громко окликнул юношу:

— Стой! Кто идёт?

— Гильберт фон Грайсвальд из Грайсвальда! — справившись с секундным замешательством, ответил юноша (не будучи до конца уверен в том, как нужно правильно представляться в таких случаях). — Прибыл сюда из Темноземья, желаю вступить в ряды рыцарей её величества, королевы Ариэллы.

Командир гвардейцев окинул молодого рыцаря взглядом, повернулся к воротам дворца и крикнул:

— Прибыл ещё один рыцарь, желающий служить королеве! — гвардейцы расступились перед Гильбертом, и к нему тут же поспешили слуги. Попросив гостя спешиться, они увели его коня, заверив молодого рыцаря, что позаботятся о его скакуне наилучшим образом, и провели темноземца по коридорам дворца — Гильберт успевал только вертеть головой по сторонам, оглядывая убранство королевского дворца. Вскоре его привели в приёмную, где пышно одетый придворный спросил его имя и цель визита, а затем велел Гильберту подождать, пока её величество не вызовет его.

Кроме молодого темноземца, в приёмной было несколько придворных и вестников с донесениями, да ещё вскоре после появления Гильберта из распахнувшихся дверей быстро вышла высокая женщина в рыцарских одеждах с гербом и, на секунду задержав взгляд на незнакомом молодом рыцаре, быстрым шагом прошла мимо. Никто не удостоивал юношу особенным вниманием, а сам Гильберт не решался заговорить с кем бы то ни было и, присев на скамью резного дерева, принялся гадать, какой же окажется королева Ариэлла, основательница и правительница Аквилонии, ныне могущественнейшего из Западных Королевств.

Рассказы о ней, ходившие по западным землям, не жалели эпитетов, описывая, какая она могучая воительница, мудрая правительница и красивая женщина (а поскольку в этом мире редкие сказания о великих героях и героинях обходились без рассказов о подвигах, совершённых в постели, то и королева Ариэлла не была исключением — её любвеобильность и «неутомимость в постели» вошла в легенды, как и её воинские подвиги), говорили о каких-то даже совершенно неправдоподобных её деяниях, и о том, что ей благоволят сами боги. В какой-то момент Гильберт даже вдруг засомневался, достоин ли он предстать перед великой королевой в таком виде: рыжий юнец с веснушчатым лицом, одетый в пластинчатый панцирь, служивший ему повседневной одеждой, поскольку другой одежды у Гильберта и было-то немного, не из знатного рода, не снискавший ещё ни славы, ни богатства... В голове юного рыцаря мелькнула мысль, что ему следовало бы сходить в баню перед визитом к королеве, чтобы предстать перед ней хотя бы чистым, — но на это оставшихся у него денег хватило бы уже с трудом (а между прочим, как успел узнать Гильберт, рыцари королевы имели право на бесплатное пользование любыми общественными банями в пределах её королевства, чем юноша неоднократно пользовался, когда его принимали за рыцаря на королевской службе)...

— Сэр Гильберт фон Грайсвальд из Грайсвальда! — громкий голос глашатая, объявившего его имя, вырвал молодого рыцаря из задумчивости. Поспешно вскочив на ноги, Гильберт направился к распахнувшимся дверям.

За резными дверями приёмной оказался не тронный зал, а скорее рабочий кабинет — королева сидела на троноподобном кресле с высокой спинкой, а перед ней стоял письменный стол, на котором лежали принадлежности для письма и лист бумаги с непросохшими чернилами, придавленный искусно сделанным пресс-папье. Кроме королевы в кабинете было несколько слуг и придворных, один из которых сидел за другим письменным столом, очевидно, служа королеве секретарём, но всё внимание юного рыцаря было приковано к королеве Ариэлле. До того, как увидеть её, он представлял её себе более молодой и красивой, но на самом деле ей было уже больше сорока лет, хотя она не утратила ни красоты, ни силы.

Высокая женщина с могучим сложением воительницы и золотистого цвета волосами до плеч, одежда которой была в меру пышной (Гильберт не видел этого под столом, но был почти уверен, что королева носит штаны, а не юбку, как и многие женщины-воительницы), но при это подчёркивавшей её женские формы и украшенной золотым шитьём, в золотой с драгоценными камнями короне на голове, она изучающе разглядывала вошедшего темноземца.

Спохватившись через секунду, что он стоит, разглядывая королеву, юный рыцарь поспешил преклонить колени и, не поднимая более глаз, громко заговорил:

— Могучая королева, объединительница северных земель, слава о которой... — тут Гильберт, придумывавший всю эту выперенную речь на ходу, запнулся, с ужасом поняв, что все слова, приличествовавшие случаю, куда-то делись из его головы. Королева, однако, милостиво ответила ему (хоть Гильберт и не поднимал глаз на королеву, ему показалось, что она улыбнулась):

— Говорите проще, сэра Гильберт, — эти слова она произнесла на языке Темноземья. — И можете говорить на своём родном языке, если вам это будет проще.

— Ваше величество, — юноша с некоторым облегчением перешёл на темноземский и решил в самом деле говорить проще: — слава о вас известна всему миру, и я был бы счастлив служить столь могучей и славной королеве. Я прибыл сюда из Темноземья, чтобы предложить вам свою службу. — Один? — уточнила королева. — Или у тебя есть верная тебе дружина или свой земельный надел?

— Нет, ваше величество, у меня нет ни верных мне людей, ни своих владений, — вынужден был признаться Гильберт. — Я — младший сын маркграфа фон Грайсвальда и не могу рассчитывать на богатое наследство. Всё, что у меня есть — это мой меч, мои боевые доспехи и мой верный конь. Я ещё не успел совершить много подвигов и снискать себе славу, но надеюсь сделать это, сражаясь под вашим знаменем...

— Хорошо. Но ты ведь проделал долгий путь сюда — из Грайсвальда, верно? — в голосе королевы Гильберту послышался интерес, и юный рыцарь, подняв глаза, увидел, что королева разворачивает перед собой какой-то свиток, как показалось юноше, карту Темноземья. Заметив, что он поднял глаза, она жестом велела ему подняться с колен, что он и сделал. — Да, путь неблизкий... Много ли ты повидал за время своего путешествия? — королева оторвалась от карты и взглянула на своего гостя — и Гильберт наконец-то разглядел, что глаза у неё были рубиново-красного цвета. Такие глаза, как слышал юный рыцарь, бывают у людей, ведущих свой род от великих героев, детей смертных и богов, — красный цвет, как припомнил Гильберт, означал, кажется, что королева Ариэлла вела свою родословную от бога Агона Непобедимого или Клео Мечедержащей... боги мира Гептатеон нередко ходили среди смертных, зачиная детей-полубогов от тех из смертных, которых они находили достойными такой чести.

— Да, когда отправился в дорогу, была ещё весна, а сейчас уже начинается осень... — принялся рассказывать Гильберт. — Я провёл в пути несколько месяцев, сперва через Темноземье, потом через владения вашего величества. В Темноземье мне пришлось сражаться с разбойниками и чудовищами, живущими в лесах, а в городах и деревнях на меня смотрели так, будто я сам — один из разбойников... или пытались заставить меня заплатить уже за то, что я дышу воздухом их земли, — вспомнил гость из Темноземья то, что доставляло ему наибольшие неудобства во время его путешествия. — Вступив в пределы вашего

королевства, я увидел, что ваши подданные счастливы служить столь мудрой правительнице и чувствуют себя в безопасности под защитой вашего величества и ваших рыцарей... к которым я надеюсь присоединиться.

— Хорошо, — кивнула королева. — Но для начала я хотела бы испытать тебя в бою. Позовите сэра Гуннара! — приказа она своим слугам и, обернувшись снова к Гильберту, пояснила: — Он встретит тебя в дворцовом манеже — слуги отведут тебя туда.

Гильберт, поклонившись королев, поспешил вслед за слугами. Манеж, куда его отвели, представлял собой нечто вроде круглого внутреннего двора во дворце — с земляным полом, под открытым небом и достаточного размера, чтобы в нём гости королевы могли показывать своё искусство не только во владении оружием, но и в верховой езде. Одним из помещений рядом с манежем была оружейная, где темноземскому гостю предложили выбрать себе тренировочное оружие, — молодой рыцарь оставил здесь своё настоящее оружие, взамен выбрав тренировочный меч. На манеж выходило несколько балконов и галерей, чтобы обитатели и гости дворца могли наблюдать за происходящим сражением, — на одном из балконов Гильберт увидел королеву в окружении своих приближённых, ожидавшую начала боя. И вскоре на манеж вышел и соперник юного рыцаря...

Когда Гильберт увидел своего противника, он почувствовал страх: сэр Гуннар принадлежал к расе голиафов и возвышался над юным темноземцем более чем на голову. Его могучая фигура была облачена в панцирь, подобный тому, который носил Гильберт, в руках он держал щит размером почти что с целую дверь и меч, который иной мужчина смог бы поднять только двумя руками. «Неужели королева и вправду ожидает, что я смогу победить этого великана?!» — со страхом подумал юноша. Оглянувшись на стоявшую на балконе королеву, он увидел, что она внимательно следит за ним, но ничего больше не мог прочесть на её лице. Гуннар там временем встал напротив своего противника, говоясь к бою. «Как мне победить его?» — лихорадочно думал Гильберт. — «Если я проиграю, я не смогу стать рыцарем королевы Ариэллы, и тогда... я не знаю, куда мне тогда идти. Я должен, должен победить — если не силой, то хитростью!»

— Начинайте! — прозвучал громкий голос королевы. И Гуннар тяжёлым шагом двинулся на юношу, словно совершенно не боясь более слабого и хрупкого противника. Гильберт же, помедлив пару секунд, медленно двинулся влево, намереваясь обойти голиафа с правой стороны, не прикрытой щитом. Улучив момент, когда они с голиафом сблизились, молодой рыцарь бросился вперёд, поднырнув под удар огромного меча (вот где его более низкий рост обернулся преимуществом), и ударил своим мечом великана в бок — но Гильберт даже не понял, почувствовал ли Гуннар этот удар. Юный рыцарь принялся кружить вокруг голиафа, пытаясь достать его мечом и уворачиваясь от ответных ударов рыцаря-великана. Пару раз Гильберт принимал удары голиафа на щит, но эти удары были столь тяжелы, что едва не сбивали юношу с ног, когда же Гуннар закрывался от ударов темноземца своим огромным щитом, юному рыцарю казалось, будто с тем же успехом он мог бить в каменную стену. Несколько раз Гильберту всё же удавалось коснуться своего противника мечом, но, когда он в очередной раз отскочил назад, рыцарь-голиаф бросился на него, выставив вперёд свой щит. Юноша замешкался на долю секунды — и мощный, словно нанесённый стенобитным орудием, удар отбросил его назад, заставив рухнуть на землю. Гильберт, однако, поспешно поднялся на ноги — его соперник не стал добивать его, ожидая, когда юноша встанет, — и готов был, собрав все оставшиеся силы, вновь броситься на врага, когда снова раздался

повелительный голос королевы:

— Достаточно!

— Ваше величество, позвольте мне!... — умоляющим голосом крикнул юноша, сердце которого сжалось от страха: он решил, что королева признала его недостойным служить ей.

— Достаточно, — мягко повторила королева, — с завтрашнего дня ты принят на королевскую службу. Предоставьте сэру Гильберту отдых, пищу и баню, — приказала она своим слугам и вновь повернулась к своему новому рыцарю. — Вечером, перед заходом солнца, явись во дворец для принесения клятвы верности. Я буду ждать тебя во дворце, — и она, повернувшись, покинула балкон, а за ней и её придворные и слуги.

Балконы быстро опустели — только на одном из них стояли, о чём-то переговариваясь друг с другом, три девушки, похожие, как сёстры, одна была постарше, другая помоложе, а третья — совсем юная, все три были полудраконницами (никогда прежде Гильберт не видел столько полудраконов в одном и том же месте): с кожистыми крыльями за спиной, изогнутыми рогами на головах и золотого цвета чешуйками на коже — и у всех трёх можно было разглядеть рубиново-красные глаза, как у королевы Ариэллы, чьими дочерьми-принцессами, очевидно, были три девушки. Юному рыцарю, впрочем, было не до принцесс, он был в растерянности: с одной стороны, он был обрадован тем, что королева приняла его в свои рыцари, но при этом он не понимал, почему она приняла его, — ведь он проиграл бой с её рыцарем. Наконец, решив получить ответ на свой вопрос во что бы то ни стало, Гильберт поспешил к рыцарю-голиафу и громко окликнул его:

— Сэр Гуннар! — голиаф, уже снявший шлем, обернулся на оклик — у него оказалось немолодое, с грубыми чертами, но доброе лицо. — Вы... я не понимаю: почему королева приняла меня в свои рыцари? Ведь я проиграл бой, разве нет?

— А ты думал, королева требует, чтобы каждый её рыцарь мог победить меня в бою? — Гуннар беззлобно расхохотался — голос у него был громкий и низкий, под стать самому великану.

— Но... тогда в чём смысл этого испытания? — растерянно спросил новоиспечённый рыцарь королевы.

— Ну, во-первых, ты испугался — если бы ты не испугался, это значило бы, что ты слишком самоуверен, — начал объяснять голиаф. — Но, во-вторых, несмотря на это, ты не стал отказываться от боя и готов был драться до конца. В-третьих, ты стал думать, как можешь одолеть меня, не силой, так ловкостью — верно? Ну и, наконец, несколько раз тебе всё-таки удалось достать меня своим мечом, — старший рыцарь улыбнулся молодому. Гильберт молчал несколько секунд: смысл испытания стал ему понятен, и молодой рыцарь мог лишь удивиться изобретательности королевы, испытывавшей своих будущих рыцарей таким способом. Он уже готов был попрощаться с рыцарем-голиафом и поспешить приводить себя в порядок перед новой встречей с королевой, но внезапно промелькнувшая в голове юноши мысль заставила его задержаться и спросить:

— Сэр Гуннар, а те три девушки... — он оглянулся на балкон в поисках сестёр-полудракониц, но те уже успели уйти, — три девушки-полудраконницы с глазами алого цвета — это ведь дочери её величества королевы Ариэллы?

— Да, это её дочери: Орелла, Камилла и Амелла, — слегка удивился вопросу, но вполне охотно ответил Гуннар. — Красавицы, правда? — спросил он с заговорщическим видом, отчего юноша слегка покраснел. — Ты с младшей, Амеллой, будь поосторожнее, — голиаф

понижил свой голос до заговорщического шёпота: — она хоть и хороша собой, но — не при её величестве будь сказано — меняет любовников и любовниц чаще, чем наряды, а наряды она меняет часто, — и рыцарь-великан беззлобно рассмеялся, увидев, как покраснел юный гость из Темноземья.

— Их отец — дракон? — спросил Гильберт, просто чтобы перевести разговор на другую тему. Из рассказов о королеве Ариэлле он слышал, будто у неё есть золотой дракон, побеждённый ею в бою и покорный её воле...

— Их мать — дракон! — наставительно ответил Гуннар.

— Королева Ариэлла — дракон?! — с ужасом переспросил поражённый юноша. Он слышал, что некоторые драконы могут принимать человеческий облик, — но не могла же королева Ариэлла быть драконом в человеческом обличье?

— Нет, конечно! — голиаф громко расхохотался. — Её, как это называется, консорт, и мать её дочерей — дракон. Они обе женщины, но супруга королевы родила ей трёх дочерей — с помощью магии, конечно.

— А-а... — неопределённо протянул юный рыцарь. Он был удивлён услышанным, но, по крайней мере, королева Ариэлла не оказалась драконом в облике человека. О разных видах магии, позволявших иметь детей двум женщинам или даже двум мужчинам, молодой человек что-то слышал, и благодаря этой магии однополые отношения в его мире не были редкостью — Гильберт знал, что на службе у королевы Ариэллы есть множество женщин-воительниц, и что сама королева в своих «подвигах в постели» не делает предпочтений между мужчинами и женщинами. Гуннар же, видя, что юный рыцарь королевы окончательно смутился, а предательская краснота не покидает его лица, улыбнулся Гильберту и произнёс:

— Ладно, нечего тут стоять и лясы точить — ты теперь рыцарь её величества, у тебя будет много времени, чтобы разглядеть поближе и королеву, и её дочерей, и её консорта, и так далее. А сейчас тебе нужно отдохнуть и помыться — королева желает видеть тебя чистым. Подсказать, куда тебе нужно идти?

Как вскоре узнал Гильберт, странствующие рыцари на службе королевы, а также рыцари, недавно заступившие на службу, могли остановиться на ночлег при храмах Агона Непобедимого, бога-воителя, и богини-воительницы Клео Мечедержащей: рыцари мужского пола — при храме Агона, женщины-рыцари — при храме Клео. Хотя не все рыцари на королевской службе были служителями богов войны, жрецы-воины готовы были дать кров и пищу любым носителям рыцарского звания. Храм Агона оказался большим комплексом зданий, кроме собственно храма включавшим в себя комнаты для жрецов и для гостей храма, оружейню, ристалище, трапезную, в которой гостя из Темноземья накормили обедом, и баню, где проделавший долгий путь рыцарь смог, наконец, помыться. Дэгльский храм Агона показался Гильберту непохожим на храмы бога войны в Темноземье: там они обычно были либо небольшими строениями внутри замков и крепостей, либо хорошо укреплёнными крепостями-монастырями, а храм в Дэгле казался гостеприимным домом, двери которого были открыты для любого рыцаря на службе её величества.

Когда постепенно начал наступать ранний осенний вечер, и солнце начало клониться к закату, Гильберт, как ему было приказано королевой, вновь явился к королевскому дворцу. Дэгль, покончив с дневными заботами, понемногу готовился ко сну, и дворец тоже

производил впечатление засыпающего — кроме сновавших туда-сюда слуг, зажигающих многочисленные свечи в позолоченных подсвечниках, неподвижно стоявших на своих постах стражей дворца, и глашатая, который встретил его у дверей королевского дворца, молодой рыцарь почти не видел людей, пока у самых последних дверей ему навстречу не вышел могучего сложения рыцарь, в чьих жилах, как можно было определить по грубоватым чертам лица и зелёного цвета коже, текла орочья кровь.

— Я вижу, ты пришёл, — заговорил рыцарь-полуорк. — Твоё имя я знаю, а меня зовут сэра Аберард, маршал её величества, я служил королеве Ариэлле ещё с тех пор, когда она не была королевой, — кажется, Гильберт уже видел этого рыцаря среди приближённых королевы, и даже слышал его имя — в балладах о рыцарях, служивших королеве Ариэлле, среди множества имён упоминалось имя сэра Аберарда. — Я здесь, чтобы подготовить тебя к ритуалу посвящения в рыцари королевы. Ты знаешь, в чём заключается ритуал?

— Я... буду благодарен вам, сэра Аберард, если вы просветите меня, — с секундной запинкой ответил юноша и почтительно поклонился маршалу королевы. Он уже пытался спрашивать у одного из рыцарей в храме, в чём заключается этот ритуал, но получил в ответ лишь «Скоро сам узнаешь» и смех.

— На самом деле, всё просто, — ответил Аберард. — Королева Ариэлла владеет магическим артефактом, который делает нерушимой клятву, принесённую тем, кто займётся с ней сексом, — такую клятву не стоит даже пытаться нарушить.

Когда Гильберт услышал это, против воли юноши краска бросилась ему в лицо. Нет, такая магия была ему не в новинку: в его мире считалось, что секс обладает магической силой; что клятва, скреплённая соитием, нерушима; его отец, маркграф фон Грайсвальд, практиковал «право первой ночи», потому что считал, что это даёт ему магическую власть над его подданными... но юный рыцарь не мог до этого подумать, что правительница Аквилонии позволит ему, ещё ничем не заслужившему такую честь, возлечь с ней. Маршал Аберард же, дав юному рыцарю как следует осознать то, что ему предстоит, продолжил:

— Ты должен будешь опуститься перед королевой на колени и произнести слова клятвы: «Я, имя рёк, клянусь служить королеве Ариэлле, правительнице Аквилонии, словом и мечом, быть верным товарищем другим рыцарям королевы, быть защитником её подданным и врагом всем, кто угрожает её землям, и да будет эта клятва нерушима во веки веков». Запомнил? Не бойся, если ты перепутаешь несколько слов. И после того, как королева приблизится к тебе, ты должен будешь поцеловать её между ног, — маршал-полуорк произнёс это совершенно будничным тоном, но Гильберт почувствовал, что его щёки и уши после этих слов начинают пылать, а под тканью штанов его член против его воли твердеет. — После этого королева произнесёт свои слова клятвы и поцелует тебя в губы, а затем вы удалитесь в её спальню, где завершите ритуал, — Аберард говорил по-прежнему будничным тоном, но юный рыцарь покраснел настолько густо, что дальше было, казалось, уже некуда. Чувствуя, что его лицо пылает, Гильберт рискнул задать вопрос, беспокоивший его:

— И... все рыцари королевы проходили посвящение таким образом? — на самом деле, учитывая то, что Гильберту доводилось слышать о королеве Ариэлле, он вполне ожидал услышать ответ «да», и Аберард действительно ответил:

— Конечно, — юный рыцарь не мог заставить себя смотреть прямо в лицо полуорку, но в его словах он услышал улыбку, отчего юноша готов был покраснеть ещё сильнее, если бы это было возможно. Наконец, сумев собрать свою волю в кулак, юный рыцарь поднял глаза на

маршала и произнёс: — Я готов... я готов принести клятву её величеству! — и сэр Аберард, не сумевший сдержать улыбки при виде покрасневшего юноши, кивнул в ответ и вошёл в дверь тронного зала. И вскоре из дверей зала послышался голос глашатая:

— Сэр Гильберт фон Грайсвальд из Грайсвальда!

С трепещущим сердцем юноша вошёл в малую тронную залу, где на своём троне сидела королева Ариэлла — кроме неё, здесь были телохранители королевы, стоявшие по обеим сторонам от трона, несколько ближайших приближённых королевы, считая маршала Аберарда, глашатай, старшая фрейлина и юный лакей. Королева успела переодеться после последней встречи со своим новым рыцарем (Гильберт пожалел, что у него нет с собой лучшей одежды, в какой можно было предстать перед королевой) — на ней было платье с большим вырезом на груди (каковая грудь была достойна восхищения, и вырез давал возможность оценить это), открывавший драгоценный кристалл золотистого цвета, висевший на шее королевы, длинные, выше колен, кружевные чулки на ногах, открывавшие совсем немного обнажённой кожи, чтобы возбудить воображение юноши, и короткая, не доходившая до колен юбка.

При взгляде на эту юбку юноша не смог удержаться от мысли, что он во время обряда посвящения должен будет поцеловать королеву между ног, а значит, под этой юбкой нет ничего, и, наверное, если присмотреться, можно было бы увидеть сокровенное место королевы... при этих мыслях юноша почувствовал, что его лицо снова начинает пылать, а сердце — биться так, будто оно хотело выскочить из груди. Юному рыцарю вдруг захотелось провалиться сквозь землю, чтобы королева не видела его покрасневшее лицо, и чтобы её приближённые не видели, как он будет касаться губами женского лона своей будущей повелительницы... хорошо хоть, что их здесь было всего несколько человек — будь здесь большая тронная зала со множеством королевских приближённых, придворных и слуг, Гильберт не знал бы, что ему делать.

— Подойди, сэр Гильберт! — громкий голос королевы избавил юного рыцаря от необходимости стоять, краснея от стыда и желая провалиться сквозь землю. Ариэлла встала со своего трона, сделав шаг навстречу рыцарю, и юноша, чуть-чуть уняв дрожащее сердце, подошёл к своей будущей повелительнице и, не дойдя нескольких шагов, опустился перед ней на колени.

— Я, Гильберт фон Грайсвальд, — заговорил он громко, опустив взгляд и надеясь, что присутствующие наконец-то не видят его краснеющего лица (и стараясь отогнать мысль, что если он поднимет взгляд, он, наверное, сможет увидеть сокровенное место королевы...), — клянусь служить королеве Ариэлле, правительнице Аквилонии... душой и телом, — он всё-таки от волнения перепутал несколько слов, — клянусь быть верным боевым товарищам другим королевским рыцарям, защищать подданных королевы... и быть врагом всем, кто угрожает её владениям и её людям... и я клянусь быть верен этой клятве во веки веков! — произнеся слова клятвы, юный рыцарь замолчал, всё ещё опустив взгляд и видя только обтянутые чулками ноги королевы. Он увидел, как эти ноги подошли к нему, и как королева поставила правую ногу на подставленную лакеем низкую табуретку, и, осмелившись поднять взгляд, юноша увидел перед своим лицом женское лоно королевы, с чисто выбритым лобком — похоже, королева уделяла немало внимания интимной гигиене — и маленьким золотым кольцом, вдетым в кожу чуть ниже клитора. Чувствуя, как его сердце начинает бешено биться, юный рыцарь вдохнул едва уловимый запах, исходивший от этого лона, и, собрав

волю в кулак, коснулся губами клитора королевы, надеясь, что её юбка не даст присутствующим увидеть происходящее в подробностях, и что эти присутствующие не заметят его эрекции, словно готовой разорвать ткань штанов. И почувствовал губами, кроме лёгкого холодка металла кольца, слабый вкус выделений королевы — словно она тоже была возбуждена мыслями о предстоящем соитии.

Королева меж тем возложила правую руку на голову молодого рыцаря и громко произнесла: — Мы, волею богов и богинь королева Аквилонии, объявляем Гильберта Грайсвальда своим рыцарем. Да будет он мечом в руке своей правительницы и щитом, защищающим её земли и её людей! Наши земли отныне — его дом, наши рыцари — его братья и сёстры, а его враги — наши враги! И да будет эта клятва нерушима во веки веков. Встань, сэр Гильберт, — молодой рыцарь, непроизвольно вздрогнув, когда королева обратилась к нему, повинился и встал — его лицо теперь оказалось напротив лица королевы. И та, притянув своего нового рыцаря к себе, поцеловала его в губы — юноша почувствовал, как его сердце, до этого бившееся подстреленной птицей, замерло в его груди при этом поцелуе...

— Клятва произнесена и засвидетельствована! — громким голосом объявил маршал Аберард, вновь заставив новопосвящённого рыцаря непроизвольно вздрогнуть. И все приближённые королевы, повернувшись к двери, чинным шагом вышли, оставив королеву и её рыцаря наедине, если не считать слуг. Королева же улыбнулась своему рыцарю — и эта улыбка казалась не королевски-благосклонной, а именно такой, какая намекала на то, что вскоре предстояло Гильберту, — и спросила:

— Ты уже готов к обряду посвящения? — юноша, сглотнув, смог лишь кивнуть в ответ. — Тогда пойдём, — и королева, взяв Гильберта за руку, повела его за собой в боковую дверь. За дверью оказалась спальня, где молчаливые служанки ожидали королеву и её рыцаря — горели свечи в канделябрах, давая неяркое освещение, и была расстелена кровать с балдахинном, показавшаяся Гильберту огромной — на ней можно было свободно поместиться даже не вдвоём, а втроём. Служанки, приблизившись к королеве и молодому рыцарю, принялись освобождать их от одежды — Гильберт сперва смутился, что его увидит обнажённым не только королева, но и её служанки, но, не имея возможности возразить, позволил служанкам раздеть себя, сам не в силах не смотреть в сторону раздевающейся королевы. Наконец, освободив обоих от одежды, служанки молча удалились, оставив хозяйку спальни и её «гостя» одних — юный рыцарь непроизвольно пытался прикрыть свою наготу руками, тогда как Ариэлла ничуть не стеснялась своего рыцаря и с улыбкой наблюдала за его смущением.

Она разделась не полностью — на ней оставались белые кружевные чулки и кружевной пояс, к которому они были прикреплены, — при взгляде на эту деталь туалета юноша почувствовал ещё более сильное возбуждение, чего, очевидно, королева и добивалась. На ней остались также украшения: уже знакомый Гильберту золотистый кристалл на шее — вероятно, он был тем самым артефактом, о котором Гильберту говорил сэр Абебард, — и поблёскивавшие в свете свечей золотые пирсинги в промежности и пупке — Гильберт подозревал, что они тоже имеют магические свойства, так как ему доводилось слышать о подобных вещах. Пожалуй, тусклое освещение, даваемое свечами, было в самый раз для того, чтобы не высветить лишнего, — королева Ариэлла была уже далеко не юной девушкой, и при слишком ярком свете было бы видно, что годы дали о себе знать. в постели, хотя не был и девственником, и сейчас боялся не оправдать ожиданий своей повелительницы... — Боюсь, я ещё не великий

герой, ваше величество... — с трудом выговорил юноша, пытаясь собрать всю свою смелость. — Но ваше желание для меня — закон...

— На службе у меня ты сможешь стать великим героем, совершить много подвигов в бою и в любви, — с улыбкой ответила королева. И юный рыцарь, сумев, наконец, преодолеть смущение, он лёг на кровать рядом со своей госпожой, и они оба обняли друг друга — объятия сильных рук королевы-воительницы были такими крепкими, и это было так приятно — и слились в страстном поцелуе. Язык королевы вторгся в рот юноши, давая ему неведомое прежде наслаждение, она целовала его жадно, жарко, страстно, и Гильберт старался брать пример со своей любовницы, целуя её так же, как она. Его рука словно непроизвольно — все мысли выветрились из головы юноши — начала ласкать высокую грудь женщины, а королева тем временем, просунув руку между ног своего любовника, принялась поглаживать его напряжённую плоть. Пытаясь повторять действия своей госпожи, Гильберт убрал руку от её груди и тоже принялся ласкать королеву между обтянутых чулками ног — неумело, неуверенно, неловко, но стараясь прислушиваться к её стонам, угадывая, какие ласки доставляют ей наибольшее удовольствие, и досадуя на свою неопытность. Тем временем он, прервав долгий и страстный поцелуй, спустился ниже, принимаясь ласкать губами грудь королевы, такую большую, наслаждаясь мягкостью и округлостью этой груди, твёрдостью её сосков... Его любовнице было неудобно ласкать его между ног, и она отдалась его ласкам, постанывая и даже урча от удовольствия, — юноша же чувствовал, что уже не может сдерживаться, он хочет овладеть своей прекрасной и могучей повелительницей.

— Ваше величество... — прошептал Гильберт — вождение в нём давно переборолось смущение. — Позвольте мне... войти в вас...

— Именно для этого мы с тобой здесь, — улыбнулась в ответ королева, раздвигая ноги, чтобы её любовнику было удобнее овладеть ей. И юноша уже не сдерживался — он накрыл свою королеву своим телом, а та своей рукой направила его возбуждённую плоть в своё лоно, и юный рыцарь обнял свою госпожу, прижимаясь к ней, впиваясь в её губы своими и начиная двигаться внутри неё. Гильберт сходил с ума от ощущения их языков, сплетающихся при поцелуе, мягких грудей королевы, прижимающихся к его груди, её горячего и влажного лона... и спустя всего минуту почувствовал приближение оргазма — сделав ещё несколько движений бёдрами, он остановился, излившись внутрь своей госпожи... и тут же смущение и стыд вновь охватили его, заставив сердце сжаться.

— Ты кончил так быстро? — переспросила королева, и от этих слов Гильберт почувствовал, что снова краснеет, желая провалиться сквозь землю. — Не бойся — это вполне обычно для такого юноши, как ты, — заметив смущение своего рыцаря, королева улыбнулась ему — и, притянув его к себе, поцеловала в губы, от чего смущение слегка отпустило юношу. — Но я тоже должна получить удовольствие — теперь позволь мне ласкать тебя, — Гильберт согласно кивнул в ответ, снова покраснев, а его сердце сжалось, но теперь в ожидании тех ласк, которые могла бы доставить ему искусная и неутомимая в постели королева.

Королева мягко перевернула своего рыцаря на спину — Гильберт не сопротивлялся, позволяя своей госпоже делать с ним всё, что она захочет, — и потянулась к ночному столику резного дерева, стоявшему возле кровати. Из одного из ящичков она достала поблёскивавший в свете свечей кристалл, похожий на тот, что висел у неё на шее, но другого цвета — фиолетовый — и тоже висевший на золотой цепочке, но более длинной. Ариэлла застегнула эту цепочку вокруг своей талии, поверх кружевного пояса, так, что кристалл оказался закреплён прямо над её

лобком... и Гильберт непроизвольно вздрогнул, увидев, как в следующий миг прямо на его глазах на месте женского лона королевы появляется мужской член. «Так вот что это за магия, позволяющая рожать детей от двух женщин!» — мелькнула мысль в голове молодого рыцаря, а сердце его снова сжалось в ожидании того, что, очевидно намеревалась сделать с ним королева. Та же, видя испуг своего рыцаря, улыбнулась ему и проговорила:

— Не бойся, я не доставлю тебе ничего, кроме удовольствия, — её голос звучал эротично-страстно, суля неземные наслаждения. — Ты никогда прежде не позволял никому овладевать тобой? Или всё же... — Гильберт залился краской, услышав этот вопрос, но вынужден был кивнуть в ответ, не в силах солгать, что нет, он никогда не занимался ни с кем анальным сексом. Юноша действительно когда-то испытывал это на себе — со своим старшим братом — но произнести это вслух он не решался уже никак (это была одна из тех вещей, которые в его мире делали многие, но немногие в этом признавались). Королева же, видя его смущение, не произнесла ничего, а, приблизившись к своему любовнику, вновь жарко поцеловала его — и Гильберт почувствовал, как силы вновь оставляют его, лишая возможности противиться своей повелительнице... Та тем временем мягко опрокинула его на спину, поглаживая его обнажённое тело и принимаясь покрывать это тело поцелуями: губы, уши, шея, грудь, соски, подмышки, живот — Гильберт прежде сам не знал, что у него есть столько чувствительных мест, но королева Ариэлла имела, наверное, несколько сотен любовников и знала, как доставить удовольствие мужчине. Наконец, она спустилась к члену юноши, уже вновь окрепнувшему от её ласк, и принялась ласкать его — Гильберт не смог сдержать громких стонов удовольствия, ибо он и не представлял раньше, сколькими самыми различными способами можно ласкать всего лишь одну эту часть тела мужчины. Наконец, чувствуя, что её любовник уже готов к «главному блюду», королева оторвалась от его твёрдого естества и снова потянулась к ночному столику, но Гильберт вдруг, почти что неожиданно для самого себе, сам не зная, откуда в нём взялась смелость, прошептал:

— Ваше величество... Я хочу... позвольте мне... тоже поласкать вас... — он сам смутился от своих слов, но королева, сперва удивившись, улыбнулась в ответ и переспросила:

— Здесь? — она выпрямилась и указала на свой давно уже эрегированный член. Юный рыцарь почувствовал, что краска заливает его лицо, но кивнул в подтверждение слов своей госпожи. — Тогда давай так... — королева привстала, чтобы достать из ящичка ночного столика небольшой флакон с маслом, — похоже, в ящичках этого столика было всё, что могло понадобиться во время секса, — и встала так, что её обтянутые кружевными чулками ноги и её член оказались над лицом лежащего на спине юноши. Юный рыцарь же вдохнул запах члена своей госпожи, отличавшийся от запаха её женского лона, и разглядел этот орган во всех деталях — лишённый волос, как и лобок королевы до превращения, с золотым пирсингом, который теперь переместился на мошонку, — и затем юноша принялся ласкать этот орган, стараясь повторить все те ласки, что недавно его повелительница дарила ему. Про себя Гильберт подумал, что ему, возможно, стоит перенять местный обычай удалять волосы в интимных местах, чтобы его госпоже было удобнее и приятнее ласкать его там... если она когда-нибудь снова позволит ему возлечь с ней — юный рыцарь не был уверен в том, что его ночь с королевой будет не единственной, но как он желал бы, чтобы она была не единственной! Королева же тем временем, смазав пальцы маслом из флакона, осторожно и умело ввела первый палец в анус юноши, вращательными движениями массируя сжатое колечко мышц, подготавливая его зад к проникновению её члена и постепенно добавляя

палец за пальцем, — ощущения были немного болезненными, но приятными, и юноша не стонал от удовольствия лишь потому, что его рот был занят. Тем временем вход в его попку массировали уже три, а потом и четыре пальца, а королева не отказала себе в удовольствии одновременно с манипуляциями пальцами вновь поласкать губами и языком член своего рыцаря, который от этих ласк не смог сдержать стона удовольствия, превратившегося в мычание, — Гильберт ни на секунду не хотел оставлять свою повелительницу без ласк. Наконец, когда юноша был уже готов к проникновению её члена и жаждал этого всем сердцем, королева встала и, быстро подсунув мягкую подушку под бёдра своего любовника, пристроилась ко входу в его попку — юноша послушно приподнял бёдра и призывно раздвинул ноги — и не смог сдержать вскрика от болезненного наслаждения, когда почувствовал, как влажный от его слюны член королевы входит в его смазанный анус. Королева начала двигать бёдрами, то ускоряя, то замедляя темп, давая своему любовнику возможность испытать самую широкую гамму наслаждения, а тот громко стонал, наслаждаясь болезненно-приятными ощущениями внутри себя, наслаждаясь открывавшимся ему видом могучего тела королевы, её больших грудей, колыхавшихся при каждом новом движении бёдрами, — юноша не смог удержаться от того, чтобы накрыть эти груди своими ладонями, принимаясь ласкать их, и его любовница ответила на эти ласки стонами удовольствия.

— О, королева!... — шептал юный рыцарь, отдаваясь своей повелительнице. — Моя королева... прошу вас... не останавливайтесь! — юноша чувствовал, как внутри него разгорается огонь, и что он снова приближается к оргазму... когда вдруг на фоне стонов страсти он услышал сперва скрип отворившейся двери, а затем укоризненный голос: — Ариэлла!

Королева остановилась, резко обернувшись на звук голоса, позвавшего её по имени, и Гильберт обернулся тоже, испуганно пытаясь прикрыть руками свои наготу и чувствуя, что его щёки пылают от стыда, что его застали в такой момент. В полумраке комнаты он увидел стоящую у постели молодую женщину в открытом, красном с золотым шитьём платье — голова женщины была увенчана парой витых рогов, за спиной у неё были два кожистых крыла, а на открытых участках кожи: на шее, щеках, груди, плечах, руках — можно было разглядеть участки золотистой чешуи, красноречиво говорившие о драконьей крови, текшей в жилах незнакомки. Внимание молодого рыцаря не могло не задержаться на том, что на незнакомке было множество золотых украшений с драгоценными камнями: перстни почти на каждом пальце, по несколько браслетов на каждой руке, золотая цепь с крупным аметистом на шее, даже её рога были украшены золотыми кольцами — всё это поблёскивало в свете свечей. Юноше показалось, что он видел эту женщину сегодня днём, во время своего поединка с голиафом Гуннараром... Вид у женщины был недовольный — она стояла, скрестив на груди украшенные перстнями и браслетами руки, недовольно глядя на любовников.

— Ора, — с абсолютным достоинством, игнорируя свою наготу и то положение, в котором её застали, не менее укоризненно ответила королева, — я надеюсь, ты хочешь сказать мне что-то достаточно важное, чтобы врываться ко мне в такой момент... или что ты хочешь к нам присоединиться — это я могу расценить как достаточно вескую причину прерывать меня.

— Да, я хочу сказать тебе, — ответила та, кого королева назвала Орой, безо всяких церемоний садясь на край постели, на которой только что занимались любовью королева и её рыцарь, — что ты уже в который раз, развлекаясь со своими рыцарями, забываешь про своего консорта и

мать своих детей! Мы с тобой уже много дней не спали вместе, и ты обещала мне, что сегодня мы наконец-то сможем заняться сексом, а ты вместо этого трахаешься с каким-то очередным рыцарем! — голос Оры звучал уже откровенно обвиняюще.

— Ах, ды, извини: я действительно тебе это обещала, — Оре, похоже, удалось пробудить в королеве чувство вины. — Я действительно собиралась сегодня это сделать, но внезапно появился новый юноша, которого нужно было посвятить в королевские рыцари, и... сама понимаешь, — Ариэлла потянулась к Оре и приобняла её за обнажённые плечи — дева-дракон всё ещё выглядела недовольной, но позволила себя обнять, хотя и не выказывала желания ответить на нежность своей возлюбленной. — Ты же знаешь, я весь день занята государственными делами: донесения из всех концов Аквилонии, иноземные послы, подписывание указов и всё прочее — и ночью я тоже... даже в своей постели занимаюсь «государственными делами», и у меня нет времени как следует приласкать тебя... Впрочем, где мои манеры, — королева обернулась к юному рыцарю, который за время разговора успел забраться под одеяло, спрятав под ним свою наготу, и надеялся, что королева и её консорт не будут обращать на него внимания. — Это Ораустрата, мой консорт, мать моих дочерей и мой любимый дракон, — при последних словах Ариэлла чуть-чуть улыбнулась, — а это сэръ Гильберт фон Грайсвальд из Грайсвальда, что в Темноземье, с этого дня — рыцарь Аквилонии.

— Ра... рад знакомству... — проговорил Гильберт, чувствуя, что сейчас эта фраза звучит совершенно по-дурацки, и краснея под взглядом королевского консорта, разглядывавшей его уже с любопытством, а не осуждением. В голове юноши мелькнула мысль, что Ора, будучи драконом в человеческом обличье, наверное, намеренно принимает облик, демонстрирующий признаки её драконьей крови... — Прошу простить меня, уважаемая Ора... устрата, — молодой рыцарь с трудом выговорил имя драконицы, — я совершенно не хотел... вставать между вами и вашей королевы... и если вы позволите мне... я сейчас же оденусь и покину вашу спальню...

— Подожди! — остановила его королева. — Я вовсе не собираюсь выгонять своего рыцаря из постели. Я думаю... — она оглянулась на Орустрату, — ты не будешь против секса втроём, Ора? — при этих словах королева снова улыбнулась.

Юноша почувствовал, что краснеет ещё сильнее при этих словах, — ещё сильнее он покраснел, хотя дальше уже было некуда, когда Ора посмотрела на него испытующим взглядом, а затем, улыбнувшись, развязала завязки своего платья, и оно упало к её ногам, оставив драконицу обнажённой. По сравнению с Ариэлкой Ора выглядела достаточно молодо — но, поскольку она была не человеком, а драконом, ей могло быть и пятьдесят лет, и сто. Под платьем у драконицы не было ничего, кроме ещё большего количества золотых украшений — тонкие золотые цепочки опоясывали её груди сверху и снизу, ещё одна цепочка с алым рубином посредине была застёгнута вокруг её пояса. Заметив, что любовник королевы разглядывает её украшения, драконица улыбнулась ему и произнесла:

— Красиво? Лучшие ювелиры Аквилонии делают украшения для меня! Жаль, существа, меняющие облик, не могут носить серьги и пирсинги, — драконица сбросила туфли и залезла с ногами на кровать — Гильберт уже не удивился, увидев на её ногах браслеты, а на её драконьем хвосте — золотое кольцо с алмазами. — Что делать: пока моя королева занимается государственными делами, мне остаются наряды, украшения... ну, ещё я воспитываю наших дочерей, ещё иногда мы вместе отправляемся на войну... Ну и ещё, конечно, мне остаётся

секс, — с похотливой улыбкой Ора подобралась почти вплотную к не знавшему, куда деваться, юноше — а тот, несмотря на смущение, ощутил, что его член помимо его воли вновь наливается кровью. Ариэлла же тем временем, вытерев свой созданный магией член салфеткой, которую она достала из всё того же ночного столика, пронаблюдав с улыбкой за своей любовницей, тоже подобралась поближе к ней и ко всё ещё не переборовшему смущения юному рыцарю и, обняв Ору и притянув её к себе, поцеловала свою любовницу в губы.

— Чего ты хочешь сейчас? — промурлыкала она, обнимая Ору. — Всё, что пожелает мой любимый дракон!

— Хм... — драконица задумалась на секунду — королева тем временем притянула к себе Гильберта и поцеловала его тоже. — Я хочу... двойного проникновения. Чтобы ты овладела мною спереди, а сэр Гильберт — сзади.

— Хм... — королева взглянула на своего рыцаря, который мог бы покраснеть ещё сильнее, но дальше уже было некуда. — Ты справишься с этим? — она снова потянулась к ночному столику и, достав уже знакомый Гильберту флакончик с маслом, протянула его рыцарю, который готов был сгореть от смущения на месте, но безропотно принял протянутый ему предмет. — Ну, что ж, тогда начнём... не сразу, — она обняла одной рукой своего рыцаря, второй — своего консорта и притянула обоих к себе, целуя то одного, то вторую. Ора тоже страстно целовала то Ариэллу, то её рыцаря, и юноша почти сразу начал отвечать на поцелуи обеих женщин. Он увидел, что королева и её консорт начинают ласкать груди друг друга, и почувствовал, что кто-то из женщин — он не был точно уверен, кто, да это и было неважно — поглаживает его напряжённый член, и сам присоединился к этой любовной игре, лаская грудь то королевы, то её консорта, и продолжая целоваться с ними. Насладившись, наконец, этими предварительными ласками, Ора встала на четвереньки перед Ариэлкой, начав ласкать руками и ртом член своей королевы и повернувшись хвостом к её рыцарю, который пару секунд боролся со смущением, но затем всё же вылил немного масла на свои пальцы и, нащупав под хвостом драконицы колечко ануса, принялся осторожно, очень осторожно смазывать его. Гильберту не приходилось раньше ни с кем заниматься анальным сексом в активной роли, и юноша пытался повторить те действия, которые королева производила над ним самим, стараясь быть осторожным, боясь причинить королевскому консорту боль своей неловкостью — Гильберт боялся бы меньше, не будь его любовница консортом королевы Аквилонии. Юноша время от времени вздрагивал, когда изо рта Оры, занятого членом Ариэллы, доносились стоны, и он не мог понять, стоны это боли и удовольствия, но осторожно продолжал подготавливать драконицу к двойному проникновению. К некоторому удивлению юного рыцаря, эта часть тела драконицы вовсе не казалась ему «грязной» — похоже, Ора, готовясь к сексу со своей супругой, подготовилась к нему всесторонне.

Наконец, когда Ора уже была готова, и юноша несмело подал знак королеве, та велела ему сесть на кровать, сама села вплотную к нему, так что их ноги переплелись, и Ора опустила кисккой и попкой на оба твёрдых члена — и принялась двигаться вниз-вверх, запрокинув голову и издавая сладкие стоны наслаждения. Юноша прижался к её крылатой спине, чувствуя лёгкий холодок украшавших драконицу золотых цепочек, и не смог удержаться от того, чтобы целовать уши и затылок драконицы, — вождление вновь переборол в нём смущение — Ариэлла тем временем жарко целовала свою любовницу в губы, её и юного рыцаря руки попеременно ласкали груди драконицы, а затем, окончательно поддавшись

страсти, юноша дотянулся до груди королевы, принимаясь ласкать и её. Спальня наполнилась стонами удовольствия трёх любовников — сбивчивыми, задышающимися стонами юного рыцаря, довольным сладострастным урчанием королевы и громкими почти что криками Оры, находившейся в эпицентре наслаждения. Довольно быстро юноша почувствовал, как его член выплёскивает семя в попку драконицы, но королева была достаточно возбуждена, чтобы вскоре тоже излиться в свою возлюбленную. И все трое остановились, переводя дух и всё ещё лаская друг друга — а затем, когда эйфория страсти отступила, смущение вновь начало овладевать молодым рыцарем.

— Что ж, не смею больше стеснять своим присутствием... — проговорил он, вставая и пытаясь понять, куда служанки могли унести его одежду, — ваше величество и почтенная... — юноша сбился, не сумев вспомнить полного имени Ораустраты.

— Ты снова уходишь? — удивлённо переспросила королева, приподнимаясь на постели. — Перестань, мой рыцарь! — сказала она укоризненно. — Ты имеешь право разделить со мной постель до утра — не собираюсь же я тебя, своего рыцаря, в самом деле, выгонять из своей постели! И Ора не будет против, если ты останешься, — ведь так, Ора? — королева оглянулась на своего консорта, и драконица, улыбнувшись, кивнула в ответ, тем временем снимая с себя украшения, начиная с перстней (как ни любят драконы драгоценности, но спать со всем этим золотом Оре, очевидно, было неудобно). Юноше показалось, что своей улыбкой Ора хочет сказать, что она не против и совсем другого... отчего он снова смутился. Видя, что её рыцарь остановился в нерешительности, королева мягко проговорила:

— Если ты думаешь, что Ора будет ревновать меня, то нет: мы с ней вместе уже много лет, она знает, что я занимаюсь любовью с другими мужчинами и женщинами, и я знаю, с кем ещё она занимается любовью. Но нас связывает нечто больше, чем просто секс: она — мать моих детей, она несла меня на себе во многие сотни битв, мы с ней сражались вместе в этих битвах, мы с ней вместе уже два десятка лет. Она — мой единственный консорт, мой единственный дракон, моя единственная Ора — другой такой у меня нет. Поэтому не бойся, что Ора будет ревновать меня к тебе, — верно я говорю? — Ариэлла вновь оглянулась на свою возлюбленную, и та помотала головой, подтверждая слова своей королевы.

На юного рыцаря, однако, эти слова произвели совсем не успокаивающее впечатление: юноше показалось, что ему не место в супружеской постели королевы и её консорта — ему, знающему королеву меньше суток, связанному с ней не более чем ритуальным сексом, в постели королевы и её дракона, которые были вместе ещё тогда, когда он сам был ещё ребёнком. Сердце юноши внезапно кольнуло странное чувство — будто он сам ревновал свою госпожу к её консорту — но какое право он имел даже думать о том, что между ним и королевой могут быть какие-то чувства?

Видно, королева начала догадываться о чувствах, обуревавших её рыцаря, поскольку она продолжила тем же мягким, и в то же время не допускавшим возражений голосом:

— Но и не думай, что ты для меня ничего не значишь, что то, что между нами было — это просто ритуал. Ты — мой рыцарь, и мы связаны нерушимой клятвой. Я помню каждого из вас, своих рыцарей, даже тех, кто погиб, служа мне, я помню, каковы вы были в бою, и каковы в любви. Скажи, — без всякого перехода спросила королева, — ты хотел бы снова возлечь со мной?

Юный рыцарь почувствовал, как его сердце начинает учащённо биться после этого вопроса, а сомнения раздирают его разум... но, сумев взять себя в руки, он ответил настолько искренне,

насколько мог:

— Я... могу лишь мечтать об этом, ваше величество...

— Тогда, — королева улыбнулась, — твоя мечта может сбыться. Завтра ты получишь своё первое задание как королевский рыцарь, и если ты выполнишь его достойно, ты заслужишь право на ночь любви со мной, — при этих словах юноша почувствовал, как его только что бешено бившееся сердце замирает в его груди. Его госпожа же тем временем продолжала: — А сейчас ты можешь разделить со мной мою постель — со мной и моим драконом, — привстав на кровати, она потянулась к своему рыцарю и жарко поцеловала его.

Ещё не рассвело, когда юный рыцарь проснулся оттого, что рядом с ним Ариэлла и Ора страстно ласкали друг друга, — заметив, что юноша проснулся, королева предложила своему рыцарю присоединиться к их любовным играм, и тот не стал отказываться. Когда же все трое насладились ласками друг с другом, королева встала с кровати и сказала Гильберту, что сейчас у неё, согласно утреннему распорядку дня, физические упражнения, и он, её рыцарь, может присоединиться к ней, если захочет, — и молодой рыцарь вновь не стал отказываться. Служанки принесли одежду королеве и рыцарю — к удивлению юноши, ему предоставили одежду из королевских запасов, потому что та, в которой он приехал во дворец, была, по словам служанок, отдана в стирку. Они спустились в гимнастический зал, где, кроме самой королевы и её рыцаря, занимались утренней гимнастикой несколько рыцарей королевы, а может, гвардейцев или телохранителей, а может, кого-то ещё, и среди них средняя дочь королевы и Оры, принцесса Камилла — высокая, атлетически сложенная полудраконница на пару лет моложе Гильберта, с рубиновыми, как у её матери, глазами. Распорядок тренировок королевы включал в себя упражнения с гантелями, потом бег, потом упражнения с мечом и другими видами оружия — и Гильберт убедился, что его госпожа действительно могучая воительница: ни в беге, ни в тренировочных поединках ему не удалось одержать верх. Видя это, королева предложила своему рыцарю сразиться с её дочерью (юноша смутился, не зная, что принцесса думает о нём, и догадывается ли она о том, что было между ним и её матерью, но юная принцесса смотрела на него лишь с лёгким любопытством, ни слова не говоря о том, что было между ним и королевой) — оба приняли это приглашение, и Камилла оказалась примерно равна по силам молодому рыцарю — то один, то другая одерживали верх. Закончив с утренней гимнастикой, королева предложила своему рыцарю присоединиться к ней за завтраком — и юный рыцарь, не забыв поблагодарить принцессу Камиллу за достойный поединок, вновь не стал отказываться, поскольку после физических упражнений он и вправду проголодался. Его усадили за длинный стол, во главе которого сидели сама королева Ариэлла, её консорт Ора и три их дочери, а за столом разместились приближённые королевы, среди которых, ближе к дальнему концу стола, посадили и недавно посвящённого королевского рыцаря. Завтрак был вполне королевским, но не слишком роскошным — в конце концов, это был обычный завтрак королевы, а не торжественный пир. По правде сказать, юноша смутился, оказавшись среди такого количества придворных, — он боялся, что все они знают, что было между ним и их повелительницей (а ведь он был, очевидно, единственным новым лицом среди присутствовавших за столом), и вздумай кто заговорить об этом, юноша сгорел бы на месте со стыда или провалился бы сквозь землю. Но никто из присутствовавших, к облегчению юного рыцаря, ни словом не упоминал о том, чем королева и её рыцарь занимались за закрытыми дверями королевской спальни, — или никто не

говорил об этом в присутствии самой королевы. Юный рыцарь замечал, что младшая принцесса, юная и свежая, как роза, красавица Амелла, поглядывает на него с нескрываемым интересом и, кажется, расспрашивает про него Камиллу, но Гильберт старательно игнорировал её взгляды — после секса с её матерью сама мысль о том, чтобы ответить на ухаживания королевской дочери, казалась молодому рыцарю возмутительной.

Наконец, завтрак был окончен, и королева оставила своего рыцаря, занявшись своими государственными делами, а к Гильберту подошёл уже знакомый ему маршал Аберард (тоже присутствовавший при завтраке королевы).

— Ну что ж, ты теперь рыцарь королевы — время получить своё первое задание, — заговорил он. — Близится зима, и в это время ледяные драконы просыпаются на севере и во главе своих армий орков, полудраконов и прочих существ отправляются разорять земли к югу от них. Ты отправишься на север, в крепость Иверналь, где ты присоединишься к другим рыцарям, охраняющим северные рубежи королевства. Ты когда-нибудь занимался мореходством? — Гильберт отрицательно помотал головой в ответ. — Ничего, у тебя будет время научиться, — полуорк протянул молодому рыцарю два запечатанных конверта и кошель с деньгами. — В этом конверте — письмо к сэру Руланду, коменданту Иверналя, а в этом — инструкция, как тебе добраться до крепости, — в голове юного рыцаря мелькнула мысль, что с момента его посвящения прошло не так много времени, и большая его часть пришлась на ночь, так что либо сэр Аберард писал инструкцию и письмо для коменданта ночью, либо всё уже было готово ещё до обряда посвящения... — В кошельке — подъёмные, чтобы ты мог добраться до крепости. Речной корабль, на котором ты сможешь доплыть до Иверналя, отходит завтра. Есть вопросы?

Сказать по правде, первое задание заставило сердце юного рыцаря слегка сжаться — он, едва успев полюбить свою королеву, должен был отправиться на дальние рубежи Аквилонии на много месяцев, не видя своей госпожи. Но приказ есть приказ, и к тому же Гильберт мог утешать себя мыслью, что там, сражаясь с армиями ледяных драконов, он заслужит право получить награду от своей повелительницы. И юный рыцарь, поклонившись маршалу, ответил:

— Никак нет, сэр Аберард. Я выполню задание, доверенное мне её величеством!

Покинув королевских дворец, получивший своё первое задание рыцарь пересчитал выданные ему подъёмные и попытался представить, на что ему хватит этих денег. Оставшийся до отплытия день Гильберт решил посвятить сборам в дорогу: узнал, сколько стоит проезд на корабле (и сколько стоит провезти на корабле его коня), и отложил нужную сумму; проверил, в порядке ли его оружие и доспехи, не нужно ли подковать коня; купил припасов в дорогу и смену одежды — хоть рыцарю никто не намекал на то, что он должен будет вернуть одежду, полученную взамен своей, отданной в стирку, юноша не хотел злоупотреблять щедростью своей госпожи. Тратить деньги на уличных музыкантов, жриц любви и азартные игры Гильберт не собирался — хотя у него оставалось немного денег, а в столице Аквилонии было немало мест, где эти деньги можно было бы потратить, юному рыцарю казалось, что он не оправдал бы доверия королевы, если бы решил прокутить полученные от неё деньги.

Голову юноши тем временем занимали мысли, что после того, как его госпожа позволила ему спать с собой в одной постели, завтракать с ней за одним столом, и даже познакомила его с одной из своих дочерей, он чувствовал себя больше чем просто её вассалом — будто королева

Ариэлла сделала его членом своей семьи. Впрочем, он, Гильберт, был ведь не единственным таким — все рыцари королевы прошли посвящение через этот ритуал... но тогда, выходит, и они тоже, вместе с королевой, должны были быть членами одной большой семьи? Если королева была так добра, щедра (и любвеобильна) со всеми своими рыцарями, то молодой рыцарь понимал, почему бродячие трубадуры воспевают верную дружбу рыцарей Аквилонии и их верность своей госпоже. Магический кристалл, конечно, должен был делать их верность нерушимой, но и без него королева была искренне добра к своим рыцарям — ведь так? Или — шептал юноше голос сомнения — он, Гильберт фон Грайсвальд, позволяет себе непростительно много, после одного лишь ритуального секса думая, что между ним и королевой Аквилонии могут быть какие-то чувства?

Примерно такие мысли одолевали юного рыцаря, когда он возвращался в храм Агона, бывший его временным жилищем, — за днём, проведённым в сборах в дорогу, постепенно наступал вечер, и Гильберт намеревался поужинать и выспаться перед тем, как отправиться в путь. Юноша уже направлялся в трапезную, когда его перехватил рыцарь-полуэльф — тот самый, которому Гильберт вчера задавал вопрос, в чём заключается ритуал посвящения, и получил в ответ «Скоро сам узнаешь». Лукаво улыбнувшись Гильберту, полуэльф спросил: — Итак, ты уже рыцарь её величества? Поздравляю с посвящением! Ну и какова её величество в постели? — спросил он, широко улыбаясь. Юный рыцарь почувствовал, как краска бросилась ему в лицо, но не только от смущения, но и от негодования: как смеет этот полуэльф обсуждать достоинства королевы Ариэллы в постели?! Да королевский ли рыцарь он вообще? — ведь истинный рыцарь королевы ни за что не произнёс бы подобных слов! Конечно, Гильберт слышал о королеве Ариэлле не только слова восхищения, но и насмешки (и даже хуже) над её любвеобильностью, но сейчас, став рыцарем её величества, он готов был вызвать на поединок любого, кто посмел бы оскорбить его госпожу. Однако вместо того, чтобы выхватить меч и вызвать наглого полуэльфа на дуэль, молодой рыцарь, стараясь сохранять достоинство, бросил в ответ:

— Её величество — женщина всех возможных достоинств, и в постели она — лучше всех смертных!

— Совершенно с тобой согласен! — полуэльф громко рассмеялся в ответ. — Лучшего ответа я не мог бы и придумать, — отсмеявшись, он протянул Гильберту руку. — Ганналор "Об, рыцарь её величества.

— Гильберт фон Грайсвальд, со вчерашнего дня — тоже рыцарь её величества, — представился, пожимая протянутую руку, юноша, слегка ошарашенный тем, что этот Ганналор, оказывается, имел в виду совсем не то, что сперва подумал Гильберт. И замешкался, смутившись и не зная, как продолжить разговор, начавшийся с такой темы. Его новый знакомый, однако, не дав юноше как следует придумать, что сказать дальше, немедленно продолжил:

— Ты уже знаешь, что другие рыцари ждут тебя во Дворце любви, или я буду первым, кто скажет тебе это?

— Нет... — слегка растерянно ответил юный рыцарь — он не знал, о каком Дворце любви идёт речь, и где этот дворец находится, но название наводило на определённые подозрения. — Меня ждут? Я должен там появиться? Дело в том, что завтра утром я должен буду отправиться на первое задание, порученное мне её величеством... — Ну вот завтра ты отправишься на своё задание, а сегодня ты должен посетить Дворец любви! — категорично

ответил Ганналор. — Это такая, если хочешь, традиция посвящения в рыцари королевы: в один день её величество сама проводит обряд посвящения, а в следующий — его проводят остальные рыцари.

Юноша почувствовал, что снова краснеет, — он уже начал догадываться, что «вторая половина» обряда посвящения тоже должна будет включать в себя секс... но секс со всеми королевскими рыцарями? Юный рыцарь был не только смущён, но и напуган такой перспективой — вряд ли он смог бы удовлетворить в постели всех королевских рыцарей разом! И, чтобы разрешить свои сомнения, он спросил:

— И в чём же заключается тот обряд, который проводят остальные рыцари?

— Скоро сам узнаешь! — лукаво улыбнулся в ответ Ганналор и подмигнул своему новому товарищу.

— Нет, так не пойдёт! — возмутился Гильберт. — Я уже знаю, что раз этот обряд проходит во Дворце любви, то частью обряда будет секс! И с кем же? Не со всеми же королевскими рыцарями сразу?!

Ганналор слегка замешкался, явно желая сохранить всё в тайне до последнего момента, однако, видя, что его новый товарищ не собирается отступать, принялся рассказывать:

— Нет, конечно, не со всеми сразу — даже сама королева Ариэлла неспособна удовлетворить всех своих многочисленных рыцарей за раз... Ты должен будешь выбрать из рыцарей ту, что понравится тебе больше всего... или того, кто понравится тебе больше всего, если ты предпочитаешь «боевое мужское товарищество», — полуэльф улыбнулся снова. — Если что, не бойся — никто не обидится оттого, что ты выберешь не её. Потом, когда ты «совершишь обряд» с первой из рыцарей, другие рыцари кинут жребий, кому из них «совершать обряд» с тобой. Потом ты снова должен будешь выбрать одну или одного из рыцарей... и так до тех пор, пока ты не упадёшь без сил.

— Боюсь, это произойдёт довольно скоро... — проговорил ошарашенный таким описанием обряда Гильберт. Слишком много мыслей теснились сейчас в голове юного рыцаря, чтобы он мог сказать что-то большее.

— Не бойся: там будет достаточно рыцарей обоего пола, чтобы никто не остался необделённым ласками, — улыбнулся ему в ответ Ганналор. — Ну, что, ты готов идти?

Традиция есть традиция, к тому же, как подозревал молодой рыцарь, королевским рыцарям вообще должна была быть чужда излишняя стеснительность, и вздумай он отказаться от второй части обряда, он подвергся бы насмешкам со стороны своих новых товарищей.

Поэтому, наскоро поужинав, Гильберт отправился вместе с Ганналором ко Дворцу любви — его спутник показывал дорогу и по пути рассказывал:

— Дворец любви королева Ариэлла построила специально для того, чтобы вознаграждать своих рыцарей. Несколько раз в год, она собирает своих рыцарей во Дворце и устраивает для них оргию, на которой рыцари занимаются сексом со своей королевой и друг с другом — конечно, сама королева, при всех её достоинствах в постели, как ты говорил, не может удовлетворить всех своих рыцарей разом. Ты, наверное, скоро сам удостоишься приглашения во Дворец любви и сможешь принять участие в проводящихся там оргиях, — полуэльф не удержался от того, чтобы подмигнуть смутившемуся юноше. — Но чтобы дворец не простаивал весь год за исключением нескольких дней, рыцари королевы добились от её величества разрешения использовать дворец для посвящения новых рыцарей... и не только. По крайней мере, мне так рассказывал мой наставник, который сам был свидетелем тех

событий.

— И... королева тоже будет там? — спросил юный Гильберт, чувствуя, что его сердце начинает учащённо биться при мысли об этом.

— Королева? Нет — она ведь уже посвятила тебя, — улыбнулся в ответ полуэльф. Юный рыцарь почувствовал при этом, будто что-то в его груди оборвалось... но ведь его госпожа так и сказала ему, что правоследующий раз возлечь с ней он должен заслужить, служа ей? Полуэльф, впрочем, не дал своему новому товарищу долго терзаться этими мыслями, указав на здание вдалеке: — Вот он, Дворец, мы почти пришли.

Дворец любви оказался самым настоящим дворцом — хоть и вполонину не таким большим, как королевский дворец, но всё же довольно большим зданием, вмещавшим в себя множество помещений. Внутри и снаружи он был украшен статуями, изображавшими воителей и воительниц, с мускулистыми телами, полностью или частично обнажённых, а внутренние стены были украшены фресками и барельефами, изображавшими воинов, занимавшихся любовью друг с другом или овладевавших побеждёнными ими монстрами, — на некоторых изображениях была запечатлена сама королева Ариэлла, полубнажённая, в окружении ласкающих её рыцарей. Юный темноземец чувствовал смущение в окружении всех этих скульптур и изображений, воспевавших красоту человеческого тела, — в его родных землях подобные произведения искусства были большой редкостью, здесь же, в столице Аквилонии, они были собраны во множестве. Следуя за Ганналором, Гильберт оказался, наконец, в «раздевальне» — судя по количеству раложенной, развешанной и разбросанной там одежды, уже много рыцарей ждали во Дворце прибытия посвящаемого — Ганналор принялся раздеваться, и его новому товарищу не оставалось ничего, как последовать его примеру. Наконец, оставшись обнажёнными, оба молодых рыцаря вошли в дверь, ведущую в главную залу Дворца любви.

Главный зал был большим, освещённым множеством свечей ровно настолько, чтобы их свет создавал приятный полумрак. На полу были расстелены мягкие ковры и разложены подушки, возле стен были расставлены большие диваны, а в стенах были ниши с похожими диванами, где могли уединиться занимающиеся любовью пары, — здесь всё было для того, чтобы в зале было удобно заниматься сексом. На стоявших возле стен столиках стояли флаконы со вполне очевидным содержимым, лежали деревянные дилдо и прочие принадлежности для секса, большинство из которых юноша из Темноземья никогда прежде не видел и мог лишь догадываться об их назначении. На троподобном возвышении стояло большое мягкое кресло — у Гильберта не было никаких сомнений в том, кому оно принадлежало, и никто из находившихся в зале людей не позволял себе садиться на трон своей королевы. И, конечно, здесь было множество рыцарей — мужчин и женщин, и если некоторых мужчин Гильберт мельком видел в храме Агона, то женщины-рыцари были ему незнакомы; принадлежавших к самым разным расам, населявшим Гептатеон; обнажённых, с рельефными мускулами и боевыми шрамами — и все они, когда новый рыцарь королевы вошёл в залу, обернулись к нему. Юноша смутился, оказавшись в центре внимания, обнажённым среди обнажённых и разглядывавших его со вполне понятным интересом мужчин и женщин, и невольно попытался прикрыть свою наготу, отчего несколько рыцарей тихо засмеялись — Ганналор же, нимало не смущаясь, громко объявил:

— Позвольте представить вам, господа и дамы, сэра Гильберта фон Грайсвальда, нового рыцаря её величества! — юный рыцарь при этих словах выступил вперёд, не смея поднять

взгляд, но чувствуя, что присутствующие рыцари его бесцеремонно разглядывают. — Сэр Гильберт, кому вы доверите право посвятить вас в наше рыцарское братство?

Юный рыцарь, взяв себя в руки, поднял взгляд на обнажённых рыцарей, некоторые из которых встали, красуясь перед ним, позволяя юноше как следует разглядеть их. В зале было всего десятка два рыцарей обоего пола — намного меньше, чем мог вместить зал, и намного меньше, чем представлял себе молодой рыцарь... Впрочем, он догадался, что большинство королевских рыцарей, наверное, выполняют задания своей правительницы в разных концах её владений, и здесь собрались лишь находившиеся в столице. Женщин среди присутствовавших было чуть больше, чем мужчин, и все они были непохожи друг на друга: стройная и гибкая, но не лишённая силы полуэльфийка; низкорослая, с округлыми формами гномка; мускулистая полуорчиха; огромного роста, с мускулистым телом но доброжелательным взглядом голиафша; поджарая, покрытая шрамами и татуировками темнокожая дроу; и представительницы других, ещё более экзотических рас. Юный рыцарь переводил взгляд с одной из женщин-рыцарей на другую, долго не зная, на ком остановить свой выбор: хоть не все они были идеальными красавицами — к некоторому облегчению юного рыцаря, который и сам не был особенным красавцем — но почти каждая из них была чем-то примечательна, и даже на полуорчихе, голиафше и дроу юноша невольно задержал взгляд, хоть эти женщины и вызывали у него лёгкие опасения — каковы они в постели? Рыцари тем временем с интересом следили за взглядом юноши — даже некоторые рыцари-мужчины, видимо, предпочитавшие то самое «мужское товарищество», тоже следили за юным рыцарем, но тот смотрел только на женщин. Наконец, молодой рыцарь громко произнёс: — Я... доверю это право ей! — он шагнул навстречу мускулистой светловолосой воительнице кровью дракона — с витыми рогами на голове, небольшими перепончатыми крыльями за спиной и участками снежно-белой чешуи тут и там на её белой коже — чем-то полудраконница была похожа на Ораустрату в её человеческой обличье. — Позвольте... ли вы мне, леди? — юный рыцарь не был уверен, что это уместный сейчас жест, но поклонился полудраконнице. Та же, ответив на его поклон улыбкой, шагнула ему навстречу и, заключив в объятия своих сильных рук, жарко поцеловала юношу в губы — тот замешкался на секунду, но затем ответил на объятия и поцелуй своей избранницы. Полудраконница, прервав на время поцелуй, повела юношу за руку к одной из ниш — юноша не смог не оглянуться назад, но остальные рыцари, похоже, решили, пока он будет предаваться любви с полудраконницей, сами разбиться на пары или тройки и заняться сексом друг с другом (к великому облегчению юноши — у него не получилось бы никакого секса, если бы за ним наблюдали рыцари королевы). Его любовница тем временем толкнула юного рыцаря на диван и вновь заключила его в объятия, припав губами к его губам. Юноша чувствовал её сильные руки, обнимавшие его, её грудь, прижавшуюся к его груди... и хвост драконницы, проскользнувший мимо его ног и принявшийся поглаживать его член, отчего тот начал возбуждаться, наливаясь кровью.

— Чего ты хочешь? — с улыбкой произнесла полудраконница, отрываясь от губ юноши. — Хочешь быть сверху или снизу? Или, может быть, хочешь попробовать что-то особенное?

— Я... Чего захочешь ты, — с секундным замешательством ответил её любовник. Он предпочёл бы позволить своей любовнице ласкать его, но боялся, что тогда она догадается о его неопытности, но если бы он взял на себя активную роль, то она точно догадалась бы о его неопытности — и поэтому юноша предпочёл позволить своей любовнице самой решать.

— Тогда я... хочу, чтобы ты показал мне, каков ты в постели, — полудраконница с улыбкой легла спиной на мягкое ложе, демонстрируя своему любовнику свою упругую грудь, свой мускулистый живот и своё лоно между раздвинутых ног. Юноша нервно сглотнул — это было именно то, чего он боялся, — но, подчинившись желанию своей любовницы, лёг рядом с ней, принимаясь ласкать её тело. Он целовал её губы, покрывал поцелуями её лицо, ласкал её груди, целовал её грудь и живот, стараясь вспомнить все те ласки, что куда как более опытная в постели королева вчера дарила ему, и повторить их. Он прислушивался к стонам удовольствия, срывавшимся с губ его любовницы, стараясь угадать, какие ласки ей нравятся, и пытался поглаживать и почёсывать пальцами её драконьи крылья и хвост — юноша не был уверен, что полудраконницам нравятся такие ласки, но его любовница стонала от удовольствия, когда он почёсывал основания её крыльев и хвоста. Наконец, юноша спустился к влажной киске его любовницы, окаймлённой пушком светлых волос, и припал к ней губами, лаская её самое чувствительное место, одновременно поглаживая основание хвоста полудраконницы, чувствуя на губах вкус её женских выделений, чувствуя её женский запах и слыша её стоны нескрываемого удовольствия.

— А-ах... ты такой страстный!... — простонала полудраконница, наслаждаясь ласками своего любовника. — Войди в меня... я хочу этого... — прошептала она, и её любовник тут же накрыл её своим телом, войдя в её влажное лоно и принимаясь двигаться в ней. Их тела прижались друг к другу, их губы жадно ласкали друг друга, руками они сжимали друг друга в объятьях... и юноша почувствовал, что полудраконница, желая доставить ему ещё больше удовольствия, вновь принимается ласкать хвостом его самое чувствительное место, поглаживая кончиком хвоста его яички, пока его член вторгался в её лоно. От этих ласк юноша вскоре почувствовал приближение оргазма и, излившись внутрь своей любовницы, остановился, замерев в её объятьях. Драконница же, улыбнувшись своему любовнику и поцеловав его, мягко высвободилась из его объятий и встала с мягкого ложа.

— Ты и вправду неплох в постели, — произнесла она. — Ну что ж, посмотрим, кому достанется право потрахаться с тобой следующим.

Когда юноша и его любовница-полудраконница вышли из своего «любовного гнезда», Гильберт увидел, что несколько рыцарей бросали жребий, решая, кто из них будет его следующим любовником. В центре зала, однако, были не все присутствовавшие — некоторые предавались ласкам друг с другом где-то рядом — но, к некоторому испугу юноши, среди бросавших жребий было и несколько мужчин — перспектива секса с ними (особенно вот с тем покрытым шрамами полуорком) вызывала у него дрожь в коленях. Опасения юноши, однако, разрешил весёлый голос Ганналора:

— Тебе повезло, Данея — жребий пал на тебя, — и та, кого полуэльф назвал Данеей, встала и с улыбкой направилась к замершему юноше. Это была полуангелица — о чём красноречиво свидетельствовали два небольших пернатых крыла за её спиной — огненно-рыжая, атлетически сложенная, в меру сильная и в меру изящная, очень красивая, но тем, что заставило юного рыцаря замереть, был член между ног полуангелицы. Юный темноземец слышал о таких существах, именуемых в его мире «пеогинами», он знал, что богов, ангелов и демонов нередко изображают в облике не мужчин и не женщин (и то, что пеогина была полуангелицей, вероятно, должно было всё объяснить), но никогда прежде не видел их... если не считать прошлой ночи, когда королева на время превратилась в пеогину с помощью магии. Рыжеволосая полуангелица же, видя замешательство юноши, соблазнительно и лукаво

улыбнулась ему.

— Никогда прежде не видел таких, как я? — спросила она, угадав мысли темноземца. — На службе у королевы кого только нет, так что ты увидишь ещё не таких. Ну, пойдём — я обещаю тебе, я буду с тобой осторожна и очень, очень ласкова, — улыбка рыжей стала ещё шире, ещё лукавее и ещё соблазнительнее.

Когда юный рыцарь и его новая любовница уединились в нише — юноша был благодарен тому, что ниша была более-менее скрыта от посторонних глаз, но всё ещё чувствовал себя скованно — полуангелица мягко толкнула своего любовника спиной на кровать и, улётшись сверху, жарко поцеловала его, затем принимаясь осыпать поцелуями его тело. Под ласками своей крылатой соблазнительницы юноша постепенно начал расслабляться, а когда полуангелица, спустившись ниже, принялась сперва поглаживать рукой, а затем ласкать губами его член, который от этих ласк снова начал наливаться силой, юноша уже не мог сдержать стонов удовольствия — ему нравились ласки полуангелицы, и ему хотелось, чтобы они продолжались ещё и ещё. Однако когда его рыжая любовница, взяв со столика рядом флакончик с маслом и неизвестное прежде юноше приспособление, похожее на гладко обструганную деревянную пробку, принялась смазывать вход в попку юноши маслом, а затем осторожно вводить в его анус смазанную пробку, юноша сперва напрягся. Но полуангелица, подготавливая его попку к вторжению своего члена, одновременно продолжала ласкать его возбуждённое естество, и от этих ласк юноша постепенно расслабился снова, снова испытывая эти